

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

© 2022 г. Л. Г. Ефимова

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: elg007@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2022 г.

Аннотация. Одним из последствий промышленной революции является дематериализация традиционных объектов гражданского права (деньги, ценные бумаги, драгоценные металлы), то есть утраты ими своей обычной вещественной формы и превращение их в цифру на счете. Кроме того, технический прогресс привел к появлению в экономическом обороте новых объектов гражданского права, которые не могут иметь вещественной формы, являясь нематериальным имуществом (цифровые валюты, цифровые активы, цифровые финансовые активы, криптоактивы и т.п.). Между тем законодательство и цивилистическая наука оказались не в состоянии адаптировать теорию гражданского права и законодательство к экономическим реалиям. Так, предмет договора займа в соответствии со ст. 807 ГК РФ должен передаваться займодавцем в собственность заемщика. В то же время судебная практика достаточно давно признала возможным передавать в заем безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, хотя они не являются вещами. Цифровые активы достаточно часто квалифицируются российскими цивилистами как обязательственные права (требования). Однако в ряде случаев достаточно сложно найти такого субъекта, к которому было бы можно предъявить какие-либо требования (например, bitcoin и ethereum).

Решение указанных проблем, по мнению автора, заключается в уточнении тех видов правоотношений, которые возникают по поводу рассматриваемого нематериального имущества. Например, по поводу безналичных денежных средств складывается два вида гражданских правоотношений. Во-первых, правоотношение клиента с банком по договору банковского счета, которое является относительным правоотношением (гражданским обязательством), соответственно, безналичные денежные средства — права (требования) клиента к банку о совершении переводов и о выдаче наличных денег. Во-вторых, речь идет о правоотношении владельца счета со всеми третьими лицами, в рамках которого все третьи лица обязаны воздерживаться от нарушения права владельца счета на принадлежащие ему денежные средства, а владелец счета имеет право требовать от них выполнения этой обязанности, а также может защищать свое право с помощью абсолютных исков.

В отношении новых объектов гражданского права (цифровое имущество), таких как цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптоактивы и т.п., в экономическом обороте также возникает несколько видов правоотношений. Во-первых, в отношении цифрового имущества могут возникать обязательственные правоотношения, возникающие из договора купли-продажи, мены и т.п. Во-вторых, это цифровое имущество может быть объектом абсолютного правоотношения между владельцем такого имущества и всеми третьими лицами, в котором владелец цифрового имущества может владеть, пользоваться и распоряжаться цифровым имуществом наиболее абсолютным образом, а все третьи лица должны воздерживаться от нарушения этого абсолютного права. Это абсолютное право не является правом собственности, поскольку цифровое имущество не является вещью. Это новое абсолютное право, которое должно быть урегулировано гражданским законодательством, как в свое время было урегулировано исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности.

Рассуждая подобным образом, допустимо признать, что предметом договора займа может быть любое имущество, как имеющее вещественную форму, так и *res incorporales*, которое передается займодавцу либо в собственность как вещь, либо с одновременной передачей ему иного абсолютного права в случае, если объект нематериален.

Ключевые слова: абсолютные правоотношения, относительные правоотношения, обязательственные правоотношения, нематериальное имущество, *res incorporales*, предмет договора займа, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптоактивы, биткоин, эфир, токен, технический прогресс.

Цитирование: Ефимова Л. Г. Технический прогресс и отдельные проблемы гражданского права // Государство и право. 2022. № 10. С. 84–92.

Статья написана в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

DOI: 10.31857/S102694520018325-8

TECHNICAL PROGRESS AND CERTAIN PROBLEMS OF CIVIL LAW

© 2022 L. G. Efimova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: elg007@mail.ru

Received 27.01.2022

Abstract. One of the consequences of the industrial revolution is the dematerialization of traditional objects of Civil Law (money, securities, precious metals), that is, they lose their usual material form and turn them into a number on the account. In addition, technological progress has led to the emergence in the economic circulation of new objects of Civil Law, which, in principle, cannot have a material form, being intangible property (digital currencies, digital assets, digital financial assets, crypto assets, etc.). Meanwhile, legislation and civil science were unable to adapt the theory of Civil Law and legislation to the new economic realities. So, the subject of the loan agreement in accordance with Art. 807 of the Civil Code of the Russian Federation must be transferred by the lender to the ownership of the borrower. Meanwhile, judicial practice has recognized for a long time that it is possible to lend non-cash funds and non-documentary securities, although they are not things. Digital assets are quite often qualified by Russian civil lawyers as rights of obligations (claims). However, in some cases it is rather difficult to find such an entity to which it would be possible to make any claims (for example, bitcoin and ethereum).

The solution to these problems, according to the author, is to clarify the types of legal relations that arise in connection with the considered intangible property. For example, with regard to non-cash funds, there are two types of civil legal relations. Firstly, the legal relationship of the client with the bank under a bank account agreement, which is a relative legal relationship (civil obligation), respectively, non-cash funds – the rights (claims) of the client to the bank to make transfers and to issue cash. Secondly, we are talking about the legal relationship of the account holder with all third parties, in which all third parties are obliged to refrain from violating the right of the account holder to the funds belonging to him, and the account holder has the right to require them to fulfill this obligation, and can also protect right through absolute claims.

With regard to new objects of Civil Law (digital property), such as digital assets, digital financial assets, digital currency, crypto assets, etc., several types of legal relations also arise in economic circulation. Firstly, in relation to digital property, legal obligations arising from a contract of sale, exchange, etc. may arise. Secondly, this digital property may be the object of an absolute legal relationship between the owner of such property and all third parties, in which the owner of digital property can own, use and dispose of digital property in the most absolute way, and all third parties must refrain from violating this absolute right. This absolute right is not a property right, since digital property is not a thing. This is a new absolute right, which should be regulated by Civil Law, just as the exclusive right to the results of intellectual activity was regulated in its time.

Arguing in this way, it is permissible to recognize that the subject of a loan agreement can be any property, both having a material form and *res incorporales*, which can be transferred to the lender either in ownership as a thing, or with the simultaneous transfer of another absolute right to him if the object is intangible.

Key words: absolute legal relations, relative legal relations, obligations legal relations, intangible property, *res incorporales*, subject of a loan agreement, non-cash funds, uncertificated securities, digital assets, digital financial assets, digital currency, crypto assets, bitcoin, ether, token, technical progress.

For citation: Efimova, L.G. (2022). Technical progress and certain problems of Civil Law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 10, pp. 84–92.

The article was written within the framework of the strategic academic leadership program “Priority-2030”.

1. Постановка проблемы. IV промышленная революция привела человечество к масштабной компьютеризации экономической деятельности. Внедрение новых компьютерных технологий с неизбежностью породило целый комплекс проблем правового регулирования общественных отношений. Во-первых, технический прогресс привел к появлению новых экономических отношений, понятий и инструментов экономического оборота, которые необходимо урегулировать правом: появились смарт-контракты, блокчейн, цифровые валюты, токены, цифровые активы и т.п. Законодатель попытался это сделать, и поэтому были приняты Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»². Однако эти Федеральные законы породили такое большое количество научных дискуссий, что стало очевидно – проблема далека от решения.

Во-вторых, потребность в надлежащем правовом регулировании новых общественных отношений, возникающих

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

² См.: СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.

Таким образом, несмотря на классический подход о невозможности выдачи займа «имущественными правами», судебная практика, а затем — законодатель, распространили действие ст. 807 ГК РФ на отдельные виды бездокументарных активов, поскольку этого требовали интересы экономического оборота.

Рассматриваемая проблема уже давно волнует не только специалистов в области российского гражданского права, но и правоведов из зарубежных стран.

Например, швейцарские исследователи Daniel A. Guggenheim и Anath Guggenheim пишут, что чистые цивилистические договоры уже давно перестали удовлетворять потребностям экономического оборота. Это утверждение раскрыто авторами на примере договора банковского вклада (*le contrat de dépôt d'argent*)⁹, который авторы сравнивают с договором хранения. Причем трудности с правовой квалификацией этих отношений возникают не столько из-за различий в содержании договора банковского вклада и договора хранения, сколько из-за дематериализации банковских активов. В соответствии с абз. 1 ст. 472 Обязательственного кодекса Швейцарии предметом договора хранения может быть только движимая вещь. Когда предметом вклада являются безналичные деньги, то движимые вещи банку не передаются, а внесение вклада осуществляется посредством банковских операций. Поэтому классические цивилистические правовые конструкции, такие как заем и хранение, не могут применяться в данном случае, так как отсутствует факт передачи банку соответствующих материальных вещей. В результате указанной системы доказательств Daniel A. Guggenheim и Anath Guggenheim сформулировали вывод о том, что банковские вклады открываются на основании непоименованного договора, а нормы о договоре поручения, займа и хранения в этом случае могут применяться только по аналогии¹⁰.

Полагаем, что квалификация отношений, возникающих в результате передачи банку денежных средств во вклад в безналичной форме, в качестве непоименованного договора (или договора *sui generis*) также является неконструктивной, как и признание токена «цифровым НЛО». Вместо поиска правовой природы рассматриваемых банковских договоров, нам предложили удовлетвориться, что это договоры неизвестной правовой природы. При таком подходе практически все банковские договоры в конечном счете будут квалифицироваться как договоры *sui generis*.

Представляется, что масштабы дематериализации имущества, в особенности в банковской деятельности, весьма значительны. Поэтому полагаем, что традиционные гражданско-правовые договоры необходимо адаптировать таким образом, чтобы они смогли обслуживать оборот *res incorporales* (безналичных денег, бездокументарных ценных бумаг, обезличенного драгоценного металла, цифровых финансовых активов и т.п.). В этом случае нам не придется признавать, что мы не знаем, какова на самом деле правовая природа банковского вклада, внесенного в банк посредством перевода безналичных денежных средств.

Для решения проблемы представляется также обоснованным пересмотреть некоторые взгляды на правоотношения,

которые возникают по поводу дематериализованного имущества на примере безналичных денег, бездокументарных ценных бумаг и цифровых активов. Это позволит, в частности, объяснить, почему любое дематериализованное имущество может быть предметом договора займа.

3. Нематериальное имущество как объект абсолютно-го права. Под нематериальным имуществом предлагается понимать любые объекты гражданского права, которые не являются вещами, но обладают стоимостью и становятся частными объектами современного экономического оборота. Речь пойдет о т.н. бестелесных вещах или о *res incorporales*. Согласно доктрине англосаксонского права бестелесные вещи могут быть в определенных случаях объектом права собственности и считаются вещами¹¹. Доктрина стран континентального права признает объектом права собственности только предметы материального мира, т.е. настоящие вещи, или *res corporales*. Однако это не означает, что нематериальное имущество не может быть объектом абсолютных правоотношений, аналогичных праву собственности. Так, М.М. Агарков писал, что «надо будет строго различать два различных правоотношения: а) отношение между кредитором и должником (нарушение возможно лишь со стороны должника) и б) отношение между кредитором и всяким и каждым (нарушение возможно со стороны всякого и каждого)»¹². Таким образом, относительное по своей природе право (требование) может быть объектом абсолютного правоотношения. Просто такие абсолютные правоотношения не называются континентальными юристами правом собственности. Следует учесть, что континентальные юристы начали придумывать новые названия для таких абсолютных правоотношений, складывающихся по поводу нематериального имущества. Так в российском праве появилось исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности человека, однако сфера его применения ограничена объектами т.н. интеллектуальной собственности.

Помимо результатов интеллектуальной деятельности в экономическом обороте имеется достаточно много других объектов нематериального имущества, по поводу которых также возникают абсолютные правоотношения, но континентальные юристы предпочитают их не замечать.

Новые объекты цифрового имущества, которые появились благодаря цифровизации экономики, послужили поводом вернуться к старой проблеме, чтобы рассмотреть ее на следующих примерах:

во-первых, на примере т.н. дематериализованного имущества, которое утратило вещественную форму, превратившись в запись на соответствующем счете (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги);

во-вторых, на примере цифрового имущества, которое может существовать только в виде цифровой записи в определенном или ином реестре.

Под безналичными деньгами (или безналичными денежными средствами) предлагается понимать кредитовые

⁹ Договор денежного депозита, а буквально — договор «хранения» денег (франц.).

¹⁰ См.: Guggenheim D., Guggenheim A. Les contrats de la pratique bancaire suisse. 5e édition entièrement revue et augmentée. Berne, 2014. P. 200, 201.

¹¹ Обзор точек зрения см.: Сиземова О.Б. О правовой природе криптоактивов в английском праве // Цифровое право в банковской деятельности / отв. ред. Л.Г. Ефимова. М., 2021. С. 41 и сл.

¹² Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение о обязательствах и его отдельных видах. М., 2012. С. 38.

остатки различных счетов клиентуры в банках, на которые распространяется действие гл. 45 ГК РФ¹³. Традиционная российская доктрина определяет правовую природу безналичных денежных средств как разновидность обязательственного права (требования) по договору банковского счета¹⁴. Данную точку зрения разделяет и законодатель. Чтобы не осталось повода думать иначе, законодатель изменил редакцию Гражданского кодекса РФ. Поэтому вместо выражения «поступающие на банковский счет денежные средства» он иногда употребляет иное выражение — «права на денежные средства, поступающие на номинальный счет» (абз. 2 п. 1 ст. 860¹ ГК РФ).

Мы разделяет в целом точку зрения законодателя. Однако сомневаемся, что это «чистое» обязательство. Так, еще З.М. Заменгоф установила зависимость обязательства банка перед клиентом по договору расчетного счета от поведения третьих лиц, чего в чистом обязательстве, как правило, не бывает. Она пишет: «Чем больше средств поступит на счет от дебиторов, тем выше окажется сумма долга банка, и, наоборот, чем больше платежей совершит владелец счета в погашение своих обязательств перед третьими лицами, тем этот долг меньше (вплоть до полного его погашения при нулевом сальдо счета). Весьма странное «обязательство», которое, зависит в своем объеме и самом существовании от исполнения иных обязательств, опосредующих отношения владельца счета с третьими лицами»¹⁵.

Гражданское обязательство является относительным правоотношением. Поэтому в ситуации, когда с нашего банковского счета несанкционированно списаны денежные средства каким-либо установленным лицом, мы скорее всего предъявим иск к этому лицу, особенно, если банк не нарушил ни законодательство, ни договор банковского счета. Если руководствоваться традиционным обязательственным режимом, которому должны подчиняться права по договору банковского счета, то иск пришлось бы во всех случаях предъявлять только банку как стороне этого договора. Отсюда следует, что право требования владельца банковского счета может защищаться не только с помощью относительных, но и с помощью абсолютных исков.

Противоречие между обязательственно-правовой природой денежных средств и применением абсолютных исков для защиты этих прав от третьих лиц в литературе объясняют по-разному. Ранее мы формулировали вывод о том, что безналичные деньги подчиняются смешанному, вещно-обязательственному правовому режиму¹⁶. В настоящее время представляется возможным устранить указанное противоречие иначе, если мы согласимся признать, что безналичные деньги являются объектом не одного, а двух различных типов правоотношений:

¹³ См.: Ефимова Л. Г. Банковские сделки (актуальные проблемы): автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 14.

¹⁴ См.: Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., 1966. С. 38; Суханов Е. Комментарий ГК РФ. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет (главы 42–45) // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 16; Лунц Л. А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. М., 1948. С. 20.

¹⁵ Заменгоф З. М. Правовой режим материальных и финансовых ресурсов в хозяйственных системах. М., 1987. С. 30, 31.

¹⁶ См.: Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 4.

во-первых, по поводу безналичных денег возникает относительное правоотношение клиента с банком по договору банковского счета, которое является гражданским обязательственным правоотношением. В этом обязательстве безналичные денежные средства являются правами (требованиями) клиента к банку о совершении переводов и о выдаче наличных денег;

во-вторых, по поводу безналичных денег возникает абсолютное правоотношение владельца счета со всеми третьими лицами, в рамках которого все третьи лица обязаны воздерживаться от нарушения права владельца счета на принадлежащие ему денежные средства, а владелец счета имеет право требовать от них выполнения этой обязанности, а также может защищать свое право с помощью абсолютных исков. В этих абсолютных правоотношениях денежные средства на банковском счете являются *res incorporales*, нематериальным имуществом, а у владельца банковского счета возникает на это имущество абсолютное право, аналогичное праву собственности. Это абсолютное право не может являться правом собственности, поскольку объектом права собственности может быть только вещь, а безналичные денежные средства вещью не являются.

Следовательно, абсолютное право на безналичные денежные средства является иным абсолютным правом, которое в российской доктрине и законодательстве не имеет названия.

Аналогичная ситуация возникает также в отношении бездокументарных ценных бумаг, учитывая, что, во-первых, у владельца счета депо и депозитария складываются относительные (обязательственные) правоотношения по поводу учитываемых на счете депо бездокументарных ценных бумаг, основанные на депозитарном договоре; во-вторых, у владельца счета депо и всех третьих лиц возникает абсолютное правоотношение по поводу бездокументарных ценных бумаг.

Абсолютное право на безналичные денежные средства и на бездокументарные ценные бумаги может передаваться путем совершения переводов, в первом случае — по банковским счетам, во втором случае — по счетам депо.

И наконец, в качестве третьего примера *res incorporales*, на которые могут возникать абсолютные права, рассмотрим цифровое имущество. Для начала необходимо унифицировать некоторые термины.

Понятие цифрового имущества (цифровых активов). Стремительная цифровизация экономики привела к появлению в российском законодательстве новых понятий: «цифровые права», «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта». Эти понятия предусмотрены Федеральным законом о цифровых правах и Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ. Анализ этого законодательства позволил сформулировать несколько выводов:

во-первых, перечень новых цифровых объектов является неполным;

во-вторых, соотношение между этими понятиями вызывает вопросы, а правовая природа указанных объектов вызывает споры.

Определение цифровых финансовых активов содержится в п. 2 ст. 1 Федерального закона о цифровых правах, из которого следует, что цифровые финансовые активы: являются цифровыми правами требовать уплаты денежной суммы, осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам, требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Они могут

рассматриваться в качестве цифровых финансовых активов, если выпуск, учет и обращение этих цифровых прав возможны только в информационных системах, построенных на основе распределенного реестра, а также в иных информационных системах.

Из указанных норм следует, что к понятию цифровых финансовых активов российский законодатель отнес главным образом виртуальные ценные бумаги и деривативы. Цифровая валюта не рассматривается Федеральным законом о цифровых правах в качестве разновидности цифрового финансового актива. Она определяется как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые в определенных случаях могут быть использованы в качестве средства платежа. Правовую природу цифровой валюты законодатель не определяет.

Токены можно отнести к понятию «цифровые финансовые активы» лишь условно, учитывая бесконечные доктринальные споры о понятии и природе токенов. Кроме того, на практике появились такие цифровые активы, которые нельзя отнести к финансовым активам, поскольку они не используются на финансовых рынках. Речь идет, например, о картинах, созданных искусственным интеллектом.

В результате получается, что перечень цифровых объектов, находящихся в экономическом обороте, шире, чем в Федеральном законе о цифровых правах, который является очень узким по сфере действия. В результате возникает необходимость в выявлении общего родового понятия для цифровых объектов, к которому можно будет легко отнести новые объекты по мере их появления в экономическом обороте.

Представляется обоснованным предложить общее понятие для любых новых цифровых объектов — «**цифровые активы**» или «**цифровое имущество**»¹⁷. Видами цифровых активов следует считать цифровые финансовые активы и иное цифровое имущество, которое не отнесено законодателем к цифровым финансовым активам.

Правовая природа цифровых активов. Из ст. 1 Федерального закона о цифровых правах следует, что цифровые финансовые активы являются цифровыми правами.

В соответствии со ст. 128 ГК РФ цифровые права, будучи объектами гражданского права, относятся к категории «иное имущество». Учитывая, что ст. 128 устанавливает перечень **объектов** гражданских прав, а цифровые права являются, судя по названию, именно **правами**, возникает сомнение в последовательности законодателя при разграничении понятий «объект права» и «право на объект».

Если цифровые финансовые активы являются правами, то необходимо установить объект таких прав. Однако на сегодняшний день отсутствуют научные работы, в которых был бы определен объект таких прав. Если цифровые активы являются объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), то необходимо определить, какие права возникают по поводу этого имущества. К сожалению, авторы юридической литературы не сумели предложить единой и убедительной точки зрения о правовой природе цифровых финансовых активов.

¹⁷ В дальнейшем эти понятия будут употребляться как равноценные.

Для того чтобы обосновать авторскую позицию на правовую природу цифровых активов, необходимо вначале сделать следующие базовые выводы:

во-первых, любое цифровое имущество предлагаем считать объектом гражданских прав, а не правами, учитывая, что такие активы нередко становятся предметом различных меновых договоров. Доказать, что цифровые активы являются правами требования, довольно проблематично, учитывая не всегда возможно установить субъекта, долг которого корреспондирует такому праву требования. Например, по мнению FINMA¹⁸, а также Daniel Haebler и соавторов, чистые «криптовалюты» не дают начало никому праву требования к лицу, выпускающему их, или к третьему лицу. Примерами таких классических криптовалют являются bitcoin или ethereum¹⁹;

во-вторых, следует учесть, что, как правило, цифровое имущество удостоверяется в распределенном реестре с помощью токена. Поэтому исследование правовой природы токена позволит определить правовую природу цифровых активов и установить, какие права на них возникают в экономическом обороте.

В литературе нет единства мнений на правовую природу токена по следующим вопросам. Исследователи не могут определиться: 1) являются токены объектами гражданских прав или самими гражданскими правами; 2) если токены являются объектами гражданских прав, то какие права могут возникать в экономическом обороте по поводу токенов?

Сторонников признания токенов объектами права в отечественной литературе не так много, однако некоторые работы все же могут быть отмечены²⁰. Такое положение объясняется тем, что в Федеральном законе о цифровых активах они определены как цифровые права, а не как объекты гражданских прав.

Сторонники признания токенов самими гражданскими правами, которых большинство, предложили использовать для объяснения их правовой природы германскую теорию «право на право»²¹, что является в этом случае единственно возможным выводом.

Сторонники признания токенов объектами гражданских прав спорят о том, какие гражданские права возникают по поводу токенов. Наиболее значительная группа исследователей полагает, что токены могут удостоверять главным образом обязательственные права²². Другие исследователи, напротив, доказывают, что токены могут удостоверять абсолютные права,

¹⁸ Федеральная служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии, или сокращенно — FINMA (см.: Guide pratique pour les questions d'assujettissement concernant les initial coin offerings (ICO). Edition du 16 février 2018. P. 3. URL: <https://www.finma.ch/fr/autorisation/fintech>).

¹⁹ См.: Haeblerli D., Oesterhelt S., Meier U. Homburger. Switzerland // Blockchain & Cryptocurrency Regulation. First ed. Zurich, Switzerland, 2019. P. 444. URL: https://media.homburger.ch/karmarun/image/upload/homburger/HITL5_1tm-GLI-BLCH1_CH.pdf

²⁰ См., напр.: Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11.

²¹ Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5.

²² См.: Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др. Указ. соч.

принадлежащие правообладателю токена, а обязанными лицами являются все остальные третьи лица²³.

Под токеном понимается длинная цифровая последовательность — результат функционирования специальной программы, действующей на платформе blockchain²⁴. Таким образом, токен является обычным техническим решением, в котором отсутствует всякая правовая природа. Однако токены включены в экономический оборот, что сообщает токenu некоторые дополнительные свойства. Учитывая, что его можно продать (как криптовалюту или как виртуальные ценные бумаги), токен может считаться имуществом. Поскольку принадлежность токена на определенное имущество субъекту права одновременно свидетельствует о принадлежности этому субъекту гражданского права на это имущество, обоснован вывод о том, что в экономическом обороте токены могут удостоверявать права на имущество. Отсюда следует, что токен может получить соответствующее правовое значение (и правовую природу) только в конкретных правоотношениях, возникающих между людьми.

Отталкиваясь от этой идеи, выделим две категории токенов согласно выполняемым ими функциям:

во-первых, токены, которые представляют в распределенном реестре традиционные объекты гражданских прав, а также удостоверяют права на них;

во-вторых, токены, которые представляют в реестре новые цифровые объекты (цифровые финансовые активы, цифровая валюта и т.п.), а также удостоверяют права на них.

В отношении традиционных объектов права (вещи, права требования, результаты интеллектуальной деятельности человека) токены есть средство их учета в распределенном реестре, средство легитимации правообладателей и способ удостоверения соответствующего права на эти объекты.

В отношении новых объектов гражданского права (цифровая валюта, виртуальные бездокументарные ценные бумаги и т.п.) токены становятся полноценными самостоятельными объектами гражданского права и *de facto* отождествляются с цифровой валютой и виртуальными бездокументарными ценными бумагами.

В большинстве случаев токен представляет в распределенном реестре соответствующий традиционный объект гражданского права, оставшийся в реальном мире. Виды прав на такие объекты, которые удостоверяются с помощью токена, также являются традиционными — право собственности, исключительное право на объекты интеллектуальной деятельности человека, обязательственное право.

В тех случаях, когда токен может быть квалифицирован как самостоятельный объект права (цифровая валюта, виртуальные ценные бумаги), он становится

предметом различных правоотношений, как абсолютных, так и относительных.

Когда токен представляет в распределенном реестре новое цифровое имущество, он может быть объектом относительных обязательственных правоотношений в тех случаях, когда цифровое имущество становится предметом различных гражданско-правовых договоров — договора купли-продажи, договора мены и т.п. Кроме того, такой токен становится объектом абсолютных правоотношений, субъектами которых являются правообладатель цифрового имущества и все остальные третьи лица.

Абсолютное право, объектом которого являются цифровые активы (цифровая валюта и виртуальные ценные бумаги и т.п.), не относится ни к исключительным правам, ни к праву собственности, хотя и является его аналогом, что косвенно подтверждено в британской доктрине. Sir Geoffrey Vos и соавторы²⁵ писали о том, что криптоактивы следовало бы признать объектом права собственности. Однако континентальная концепция права собственности не дает возможности сделать такой вывод. Объектом права собственности, согласно такой концепции, может быть только вещь.

Объектом абсолютного цифрового права следует считать цифровые финансовые активы, цифровую валюту, а также иные цифровые активы, которые существуют только в киберпространстве, если они не могут быть объектами исключительного права. Например, к таким цифровым активам можно отнести картины, созданные искусственным интеллектом.

Иными словами, речь идет об абсолютном праве на цифровые активы, которое должно быть определено как абсолютное право, отличное от права собственности, но которое предоставляет своему правообладателю правомочия по владению, пользованию и распоряжению цифровыми активами независимо от лица постороннего наиболее абсолютным образом. Такое абсолютное право является аналогом права собственности с одной лишь разницей — его объект не является вещью.

Таким образом, лишенное вещественной формы имущество может становиться объектом абсолютных прав, отличных от права собственности и от исключительного права.

Предлагаемый вывод не направлен на признание нематериального имущества вещью и объектом права собственности. Представляется обоснованным призвать континентальных юристов быть последовательными в своих теориях. Если в законодательстве появилось хотя бы одно абсолютное право на нематериальное имущество, отличное от права собственности, — и это исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, значит допустимо вводить и другие абсолютные права на другие объекты нематериального имущества, тем более что абсолютные правоотношения по поводу этого имущества реально складываются на практике.

²³ «Записи в блокчейне, ограниченные технологически, представляют собой абсолютные права и по своей природе похожи на вещи: их количество известно, они переходят от владельца к владельцу в строго определенном порядке, они не содержат каких-либо прав требования (подобно ценным бумагам)» (см.: Янковский Р.М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования. М., 2017. URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>).

²⁴ См.: Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 12.

²⁵ См., напр.: Legal statement on cryptoassets and smart contracts UK Jurisdiction Taskforce. The Law Tech Delivery Panel. UK Jurisdiction Taskforce. 2019. P. 7 / Sir Geoffrey Vos (Chancellor of the High Court and Chair of the UKJT); Lawrence Akka QC (Twenty Essex); Sir Nicholas Green (Chair of the Law Commission of England and Wales, as an observer) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://35z8e83m1ih83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_JO_Cryptocurrencies_Statement_FINAL_WEB_111119-1.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

